

Единственный способ, которым Лян Чен должен был сказать, сколько времени прошло, - проверить, сколько света светило в окнах, но даже это было то, о чем он не беспокоился. Все, на что он сосредоточился, было ударом и ударом деревянного столба, пытаюсь ощутить окружающий Ци, когда его тело выдавало его. Внешний мир ничего для него не значил, единственная мысль в уме, чтобы ускорить его обучение как можно больше.

Лян Чен продолжал ударять по деревянному столбу, медленно привыкший к скучному звуку его кулаков и ног, ударяющих его, даже боль постепенно начинала его беспокоить все меньше и меньше, его разум почти становился пустым под ритмом. Он также продолжал пытаться ощущать Ци в окружении, и только стук его сердца сопровождал его в тишине.

Тем не менее, независимо от того, сколько часов он пытался осмыслить окружающие Ци, он оказался не в состоянии почувствовать что-то необычное, заставив его обидеться на губах, возмущаясь собственным средним талантом. Но сейчас не время отчаиваться, он мог только встать и попробовать еще раз. Он будет пытаться снова и снова, столько раз, сколько потребовалось ему для успеха.

Лян Чен сосредоточился исключительно на своем обучении, единственный сон, который он получил, был тогда, когда он упал без сознания. Он был настолько сосредоточен на своем обучении, что полностью забыл есть и пить, постоянная боль тонула от голода и жажды и мешала ему замечать это.

Лян Чен не знал, сколько времени прошло, но ритм, в который он попал, внезапно нарушился, громко стукнувшись от двери к дому, когда он пытался почувствовать окружающие Ци. Перед тем, как Лян Чен получил шанс даже понять, откуда раздался звук, раздался громкий женский голос.

«Маленький Чен ?! Ты здесь, Маленький Чен? Маленький Чен, ответь мне!»

Владелец голоса даже не дождался ответа Лян Чен, и звук двери быстро выкрикнул. Солнечный свет пролился через открытую дверь, слегка ослепив Лян Чен, когда он сидел на земле. Как только его глаза повернулись к ослепительному свету, он мог правильно увидеть девушку, которая стояла в дверях.

Она была немного выше его, одетая в светло-зеленый халат. Ее волосы были коричневые и были плетены конским хвостиком, свисающим с ее спины. У нее была чистая кожа и тонкие черты, ясные голубые глаза, в которых был игривый свет, и вишневые красные губы, которые всегда были изогнуты в слабую дугу. Лян Чен мог узнать ее, даже не видя ее. Она была Цин Чун, девушка, которая была на два года старше его, и кого-то, кого он мог бы считать хорошим другом. Они играли вместе с тех пор, как они были достаточно взрослыми, чтобы ходить. Цин Чун держала поднос в руке, казалось, была миска супа и кувшин воды, помещенный в миску. После удара по двери Цин Чун начала говорить с низким и несколько извиняющимся голосом.

«Значит, ты действительно здесь. Я слышала, что ты не отвечал никому за последние четыре ...»

Цин Чун не смогла закончить свои слова, ее улыбка быстро исчезла, когда она увидела Лян Чена. Его руки были разодраны и кровоточили, а ноги были в плохом состоянии. У него были темные круги под глазами из-за отсутствия сна, и он был немного бледнее и тоньше. Цин Чун быстро положила поднос на землю и бросилась вперед, обеспокоенно хватаясь за Лян Чена.

«Маленький Чен, тебе больно! Это были те глупые ублюдки, которые хотели драться с тобой?! Не нужно ли сильной сестре пойти и избить их для тебя?! И эти круги, ты не ешь и не спишь?»

Цин Чун повсюду коснулась Лян Чена, чувствуя его раны, даже слегка потянув его за щеки, чтобы подчеркнуть темные круги под глазами. Лян Чен посмотрел на нее несколькими далекими глазами, испуская слегка слабый голос, когда он попытался встать.

«Большая сестра Чунь ... Я хочу тренироваться».

Цин Чун быстро остановила его от вставания, заставив его остаться в сидячем положении. После того, как она убедилась, что он не может встать, она посмотрела на него с недоверчивым выражением, как будто она смотрела на сумасшедшего.

«Как ты мог тренироваться так? Ты должен поесть, а потом поспать!»

Цин Чун быстро подняла поднос, который она положила на землю, садясь перед Лян Ченом и подталкивая поднос к нему. Но Лян Чен покачал головой, его разум все еще был полностью сосредоточен на том, чтобы делать все возможное, чтобы ускорить свое обучение.

«Нет. Большая сестра Чун, мне нужно тренироваться, я должен».

Глаза Лян Чена были решительными и твердыми, выражение Цин Чун редко встречалось в беззаботном Лян Чен, которого она знала. Но его слова почти заставили ее взорвать плавкий предохранитель, вытянув руку и указывая на него, когда она закричала.

«Какой "я должен", просто посмотри на себя, ты не можешь тренироваться так!»

Она толкнула его на спину, оседлала его и мешала ему даже сидеть. Она схватила кувшин с водой и налила чашку, держа ее в руке, когда она смотрела на Лян Чена под ней.

«Мне все равно, что ты собираешься сказать. Если ты не будешь есть, я заставлю тебя поесть».

Цин Чун была на два года старше Лян Чена и была прилично талантливой, поэтому она уже достигла средней стадии царства Смертельной башни. Если бы она хотела толкнуть Лян Чена, он ничего не мог сделать, чтобы противостоять ей. Лян Чен взглянул на кровавый деревянный столб, стоящий недалеко от него, и начал протестовать.

«Большая сестра Чун ...»

Прежде чем Лян Чен смог даже закончить свое первое предложение, он почувствовал, как что-то мокрое ударило его по щеке, вернув его в чувство. Он повернулся, чтобы посмотреть на Цин Чун, чьи глаза стали красными и слезливыми, медленно катящимися по ее щекам и капая на Лян Чена.

«Ничего не говори! Ты болтаешь, просто посмотри на себя ... Тебе нужно позаботиться о себе. Если с тобой что-нибудь случится, не будет смысла в жертве, которую Тетя и дядя сделали».

Видя, как она так плачет, Лян Чен не знал, что сказать, поэтому он просто промолчал. Цин Чун не спустилась с него, а просто взяла чашку с водой и заставила Лян Чена выпить ее, слегка наклонив голову вперед. Как только она убедилась, что он выпил всю воду, которую принесла, она кормила его ложкой после ложки овощного супа, убедившись, что он ничего не оставил.

Только после того, как он съел и выпил все, что она принесла с собой, она слезла с него. Она присела к нему спиной. Лян Чен также сел, прислонившись спиной к Цин Чун и прислонившись к ней. Через короткое мгновение он тихо пробормотал.

"Мне жаль."

Лян Чен не знал, что еще сказать в этой ситуации. Он был настолько сосредоточен на том, что хотел стать сильнее, чем полностью забыл о Цин Чун, забыл о том, что он не совсем один. Еще несколько всхлипываний слышалось от Цин Чун, прежде чем она произнесла голосом, который был едва более чем шепотом.

«Не нужно, я должна извиниться. Мне было интересно, почему Мама и Отец запретили мне покидать дом недавно, но теперь я знаю. Они даже не сказали мне, что тетя и дядя будут казнены, и для такой верной причины тоже! Можешь ли ты в это поверить? Оба помогли поднять меня, но я не могла даже быть там в их последние минуты. Только этим утром мне разрешили снова покинуть дом. Я слышала, что случилось, и поспешила найти тебя как можно быстрее. Я слышала от горничной, что дядя Сян готовила для тебя, но ты не отвечал на ее призывы в течение этих последних четырех дней, поэтому я волновалась, что с тобой что-то случилось. "

Лян Чен рассердился на себя за то, что забыл о ней, но Цин Чун была так же зла на себя и своих родителей. Лян Чен только что потерял своих родителей, и Цин Чун не смогла быть там и помочь ему. Она даже не знала об этом, не знала ничего, пока не стало уже слишком поздно. После еще одного короткого момента молчания Лян Чен склонил голову на шею Цин Чуна, на его губах появилась очень слабая улыбка.

«Мне жаль беспокоить тебя, я буду заботиться о будущем».

Он был не один. Были люди, которые могли бы беспокоиться за него, людей, на которых он мог

опираться, когда ему было больно и одиноко. Пустой дом, который был таким холодным, что он охладил его до костей, стал немного теплее. Цин Чун издала легкий гул-звук, размахивая кулаками, когда она говорила.

«Дамбо, я уже сказал, что тебе не нужно сожалеть, это я должна сожалеть. В конце концов, я не могла быть рядом с тобой в то время, когда тебе, вероятно, я больше всего нужна. Но, по крайней мере, я теперь здесь! Я не позволю никому запугивать тебя, пока я рядом.

Лян Чен не мог видеть, как она размахивает кулаками, но он чувствовал, как она двигает руками, благодаря тому, что их спины связаны. Слабая улыбка на его лице стала немного шире, мягкий голос вырвался из его губ.

«Большая сестра Чунь, спасибо».

После того, как он произнес свою благодарность, спокойная тишина опустилась на двоих. Они оба просто успокоились, не желая нарушать тишину. Именно во время этого молчания Лян Чун начал чувствовать, будто вокруг него что-то плавает, обволакивая его и Цин Чун. Но прежде чем он смог правильно определить это чувство, Цин Чун снова заговорила.

«Что ты собираешься делать с этого момента? Если хочешь, я могу умолять отца и мать, чтобы ты работал в качестве одного из собирателей травы».

Лян Чен не ответил немедленно. Теперь, когда его родители были мертвы, некому было зарабатывать деньги. Поскольку его дядя Сян был младшим старшим, он все равно получал немного денег каждый месяц, но этого было едва достаточно, чтобы покрыть всю еду, в которой он нуждался. Поразмыслив, он, наконец, покачал головой.

«Я хочу тренироваться. Я понял, что мне нужна сила, гораздо больше силы, чем сейчас, гораздо больше сил, чем я когда-либо думал, что мне это может понадобиться».

Лян Чену необходимо было сосредоточиться на его обучении, работа только мешала ему. До тех пор, пока он тратил свои деньги экономно, ему не нужно было беспокоиться о голоде. Цин Чун, похоже, поняла, о чем думал Лян Чен, поэтому она лишь коротко кивнула головой. После того, как она кивнула головой, она быстро обернулась и прижала правую руку к Лян Чену, показывая свой мизинец, когда она говорила.

«Пока у вас есть цель, это хорошо. Но на этот раз ты не смеешь пренебрегать собой, и вы не можете пренебрегать мной! Ты должен ходить со мной на прогулку хотя бы раз в неделю, нет, дважды в неделю!»

Глаза Цин Чуна блестели тем же игривым светом, что и у нее был, когда она впервые выбила дверь, ее мизинец медленно приближался к Лян Чену. Лян Чен повернулся лицом к ней, подняв свою правую руку и обернув вокруг своего мизинца. Они оба пожали друг другу руки, связанные только их мизинцами, улыбка проявилась на обоих лицах.

«Ладно, это обещание».

<http://tl.rulate.ru/book/19745/409561>